

УДК 327:571.6(091)
DOI 10.24411/1026-8804-2019-10017

Разрешение Амурского вопроса: сначала присоединить, затем легитимировать

Ярослав Александрович Барбенко,

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: prohist@ya.ru

Первая половина 50-х гг. XIX в. для Приамурья была временем существенных изменений, когда территория постепенно переходила в состав Российской империи. Цель данной работы — зафиксировать формальные основания, на которых российская администрация в Приамурье распоряжалась земельными угодьями до заключения Айгуньского договора (1858) с цинской стороной о перераспределении территорий между государствами. В результате исследования выяснено, что активные действия русских в Приамурье имели юридические основания как международно-правового, так и внутрироссийского характера. Наиболее общими были основания международно-правовые, суть которых сводилась к тому, что Цинская империя, по условиям Нерчинского договора (1689) считавшая некоторые территории к северу от Амура своими, никак там себя не проявляла, оставив их пустынными. Это позволяло российской стороне претендовать на них и на земли к востоку от Уссури. Санкт-Петербург переоценил ограничения Нерчинского договора и посчитал маньчжурскими многие территории, находящиеся между Становым хребтом и Амуром, что также давало право пересмотра традиционной, отражённой в картах, границы. К внутрироссийским юридическим основаниям управления землями до 1858 г. относится решение правительства страны в 1853 г. о присоединении к империи значительных территорий по левому и некоторых участков по правому берегу Амура, а также отдельные распоряжения. Автор устанавливает юридические основания для административной деятельности российских властей в Приамурье до 1858 г. и предлагает рассматривать период 1853—1858 гг. как время особого режима существования российского Приамурья, имеющего внутригосударственные основания, но не обладающего международным признанием.

Ключевые слова: Российская империя, Цинская империя, Амурский вопрос, Приамурье.

Resolution of the Amur Question: First Attach and Then Legitimize.**Yaroslav Barbenko**, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.E-mail prohist@ya.ru.

The first half of the 1850^s was a time of significant changes for the Amur Region when this territory gradually became part of the Russian Empire. The purpose of this study is to discover the formal reasons for the control of the territory by the Russian administration in the Amur region before the conclusion of the Treaty of Aigun (1858) with the Qing Empire on the land redistribution between the states. As a result of the research, it was found out that the active actions of the Russian side in the Amur Region had legal grounds of both international legal and internal Russian status. The most common foundations were the international legal ones: under the terms of the Treaty of Nerchinsk (1689), the Qing Empire, considering some territories of the North of Amur as its own, did not manifest and left them empty. That gave the Russian side the right to claim the territories to the East of the Ussuri. Saint-Petersburg overestimated the territorial restrictions of the Treaty of Nerchinsk and considered many territories Manchurian between the Stanovoy Range and the Amur. This mistake also gave the right to revise the traditional border with the neighboring state reflected in the maps. The internal Russian legal grounds for managing lands until 1858 included the government's decision on the accession of many territories along the left bank and some territories along the right bank of the Amur River as well as some other decrees in 1853. Thus, the author establishes legal bases for administrative activity of the Russian authorities in the Amur Region until 1858 and also suggests considering the period of 1853—1858 as a special mode of existence of the Russian Amur Region with national grounds but no international recognition.

Keywords: Russian Empire, Qing Empire, Amur Question, Amur Region.

В 1855 г. последним эшелоном третьего сплава на нижнеамурские земли прибывают крестьяне-переселенцы, но их статус не сразу поддается формализации в рамках существовавшей тогда нормативной системы: с одной стороны, это было переселение государственных крестьян-добровольцев, с другой — они водворились на территории не вполне определённой до 1858 г. государственной принадлежности (главным образом на правом берегу Амура¹, между его устьем и оз. Кизи [3, с. 420; 19, с. 325]), получив при этом земли в собственность, в «полное и вечное владение» [9, с. 415]; на мужскую душу выделялось от 21 дес. [9, с. 421].

Цель настоящей статьи — ответить на вопрос: на каких основаниях администрация Восточной Сибири в середине 50-х гг. XIX в. передавала

¹ Сюжет о расселении первой партии крестьян в 1855 г., очевидно, требует отдельного историографического исследования: несмотря на содержащуюся в источниках и картах (исторических и современных) информацию, что ими был занят правый берег (а это логично и с хозяйственной, и с военной точек зрения), историки очень часто утверждают: в 1855 г. крестьяне поселились не на нём, а на левом [1, с. 169; 8, с. 15 и проч.].

земли Нижнего Амура во владение гражданским лицам, учитывая, что для таких операций этому участку следовало находиться под юрисдикцией Российской империи, и каким образом данные земли были формально интегрированы в тело государства?

Ранее указанные территории традиционно считались частью Цинской империи, о чём свидетельствуют, например, и русские, и иностранные карты. Правда, конфигурация границы на них могла быть различной: российские владения на побережье Охотского моря либо ограничивались окрестностями долины р. Уды (рис. 1) [13, л. 35], либо простирались до лимана Амура (рис. 2) [30]. Безусловно, присутствие и деятельность военных на данной территории можно объяснить обстоятельствами Крымской войны и необходимостью поддерживать оборону тихоокеанского побережья и контролировать водный путь, ведущий в Забайкалье и вообще в Сибирь. Имея в виду интеграцию территории Приамурья в состав Российской империи, историография также сосредотачивается на безусловно важных вопросах изучения региона [1; 6; 11; 21], его обороны в ходе Крымской войны [5; 8; 12], а также дипломатической работы [5; 12; 16; 28]. Однако все эти аспекты не позволяют ответить на вопрос об *основаниях* хозяйского распоряжения землёй до заключения хотя бы первого соглашения с Цинами (1858 г.).

Интерес в этом контексте представляет работа А.В. Постникова [21], включающая большое количество до сих пор не опубликованных документов. Источники, использованные в предлагаемой читателю статье, содержат больше информации по интересующему нас вопросу, чем собственно исследования: это сборники межгосударственных договоров и официальной переписки [4; 18; 23], воспоминания современников [17; 19; 24; 27; 29], картографический материал изучаемого времени [2; 13; 31].

* * *

Нерчинский договор (1689), урегулировав формы отношений Российского и Цинского государств, частично обозначив линию разграничения их территорий, сохранил неопределённость в отношении внушительного отрезка границы: во-первых, отсутствовала чёткая идентификация горного хребта, идущего от истока р. Горбицы (как и самой этой реки [5, с. 88—89]), а во-вторых, вообще не был разграничен самый восточный участок в районе р. Уды [23, с. 10]. Как отмечал академик А.Ф. Миддендорф, это явилось следствием «географического тумана», а проще говоря — незнания местности договаривающимися сторонами². По оценке

² По информации А.Ф. Миддендорфа, мера незнания русскими своей территории даже в XIX в. была настолько велика, что оценки площади Удского округа колебались между 5 и 10 тыс. кв. вёрст [17, с. 164]. Обоснование чёткого знания местности и демаркации восточного участка границы в 1689 г. маньчжурской стороной (которую автор называет китайской) приводит К. Черевко [27, с. 389—393]. Граница опознана как пространство между рр. Уда и Тугур; из приведённых иллюстраций такому взгляду более всего соответствует ситуация на рис. 1.

Рис. 1. Фрагмент почтовой карты Иркутской губернии, 1808 г. [13, л. 35]

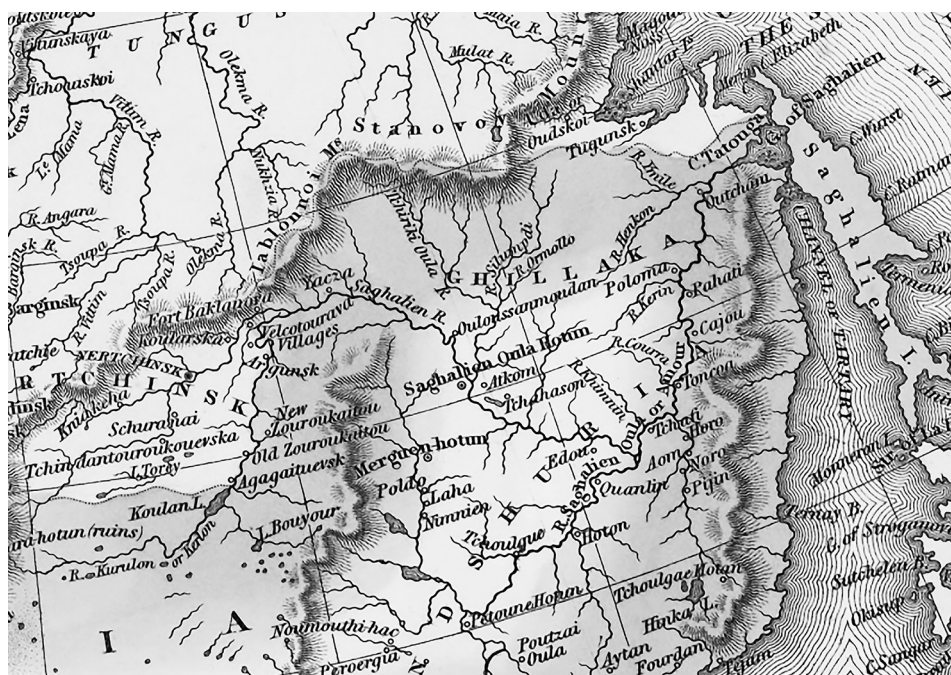

Рис. 2. Фрагмент обзорной карты Азии, 1850 г. [30]

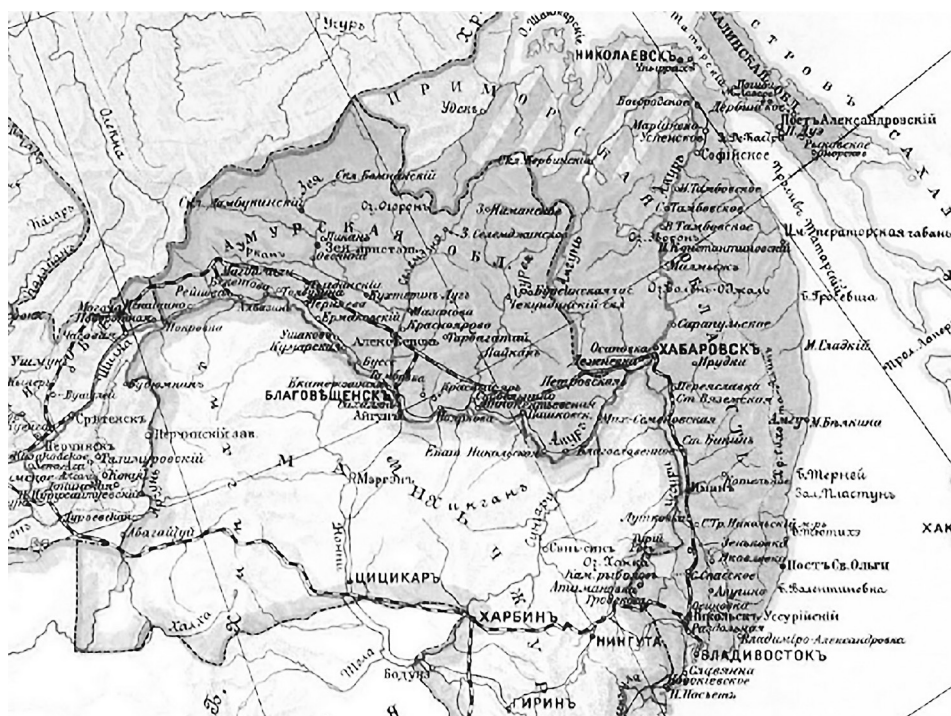

Рис. 3. Фрагмент карты распространения русского владычества в Азиатской России [2, №5], российско-китайская граница на восточном участке обозначена по течению р. Уды³

Е.Л. Беспрозванных, «огромная территория Приамурья осталась, по существу, в неопределённом положении» [5, с. 89], что выразилось в разночтениях карт, причём не только современных границе 1689 г. (рис. 1 и 2), но и позднейших (рис. 3). Соглашения же о границе от 1727 г. уточняли лишь статус её западного участка, самого актуального для сторон.

Детальное изучение пространственного устройства Приамурья было спровоцировано результатами наблюдений и расспросов А.Ф. Миддендорфа, который в рамках Сибирской экспедиции (1842—1845) неофициально проследовал «от Тугура через северные притоки Амура» и по-новому взглянул на топографию левобережья реки, не вполне согласующуюся с описанием, данным в ст. 1 Нерчинского договора [17, с. 136—137, 158], а также обнаружил маньчжурские пограничные знаки существенно южнее предполагаемой русскими линии границы [17, 166—167]. Опыт А.Ф. Миддендорфа требовал проверки и уточнения, что повлекло за собой организацию крупной секретной сухопутной экспедиции (1849—1853) под руководством Н.Х. Агте [11, с. 56—57]. Также, благодаря настойчивости Г.И. Невельского, его исследование Нижнего Амура и Сахалина получило статус экспедиции (1849—1855), сначала частной, а затем

³ Ср. взгляд составителей данной карты на территории Приамурья, ставшие частью государства к середине 50-х гг. (штриховка в окрестностях побережья Охотского моря), с обновлёнными представлениями об этих присоединениях (рис. 4).

и государственной. Обсуждение Амурского вопроса и организация его решения не мыслились в николаевской России без учреждения специального административного органа: с 1843 г. это был Особый комитет [22, с. 123], а с 1849 г. — Амурский комитет [22, с. 173], что сигнализирует о фокусировке государственной политики на исследуемой проблеме.

Уже в начале 1851 г. Сенат обращается в Трибунал внешних сношений Цинской империи с заявлением о необходимости усиления совместного контроля за судоходством по Амуру и за устьем реки [16, с. 93]. Тогда же Амурский комитет по вопросу о присутствии на Амуре среди прочего постановляет: «2. Брандвахты⁴, как реке, нам принадлежащей, не учреждать» [20, с. 420], — таким образом стали появляться плоды работ экспедиций Н.Х. Агте и Г.И. Невельского.

По результатам исследований и с подачи восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва 25 апреля 1853 г. было принято высочайшее решение о пересмотре условий Нерчинского договора в части размежевания территорий. В силу важности и малой распространённости документа приведём его полностью.

«Государь Император по всеподданнейшему докладу 22 сего апреля генерал-губернатора Восточной Сибири работ, произведённых чинами экспедиции для исследования Забайкальского края и Генерального штаба Восточной Сибири, признав правильным основания Забайкальской экспедиции о действительном направлении неопределённой границы нашей с Китаем согласно с линиею Китайских омбонов (пограничных знаков) Высочайше положить соизволил:

1. Показывать впредь направление сей крайней восточной границы от р. Малой Горбицы по Яблонному хребту только до вершин Ольдоя; далее не по хребту Становому, но по цепи гор: Тукурингра, Джакду и Гинкана до пункта соединения рек Амура и Сунгари.
2. Согласно с сим признавать принадлежностью России участки земель:
 - а. Между Становым хребтом и горами: Турингра, Джакду и Джукдыром.
 - б. Левое побережье нижнего Амура, коему именоваться впредь Сунгари от пункта слияния двух рек до лимана⁵, и
 - в. Угол, образуемый при Лимане течением Сунгари и линиею сплошных озёр, идущих от с. Кызи до гавани де-Кастри на Татарском берегу.
3. На основании сего высочайшего решения следует считать до будущего разграничения по-прежнему неутральными:

⁴ Брандвахта — сторожевое судно.

⁵ Этот пункт превратил Амур в приток Сунгари, теперь тёкшей от слияния с Амуром в Тихий океан. Таким образом, изменялся смысл ст. 1 Нерчинского договора, в соответствии с которой северные притоки Амура находились в границах «Хинского государства» [23, с. 9]: таким образом действие статьи договора географически сужалось до территорий Верхнего Амура (рис. 4).

1. Полосу к западу от хребта Гинкан, лежащую между русскою Буреинскою часовнею и Китайским пограничным знаком на урочище Инкани.
2. Остальное правое течение Сунгари от владений Маньчжурии до Татарского берега» (цит. по: [21, с. 221])⁶ (рис. 4).

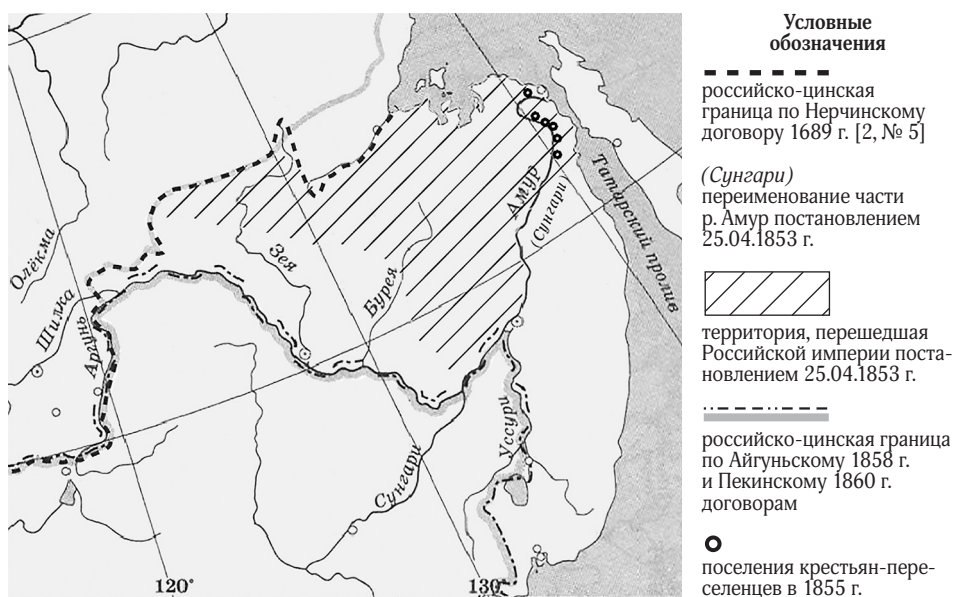

Рис. 4. Схема изменения территориального устройства Приамурья в 1853–1855 гг., составитель Я.А. Барбенко

Решение о пересмотре границы 1689 г. малозаметно в исследовательской традиции, зато отражено в свидетельствах современников. Так, среди документов Н.Н. Муравьева-Амурского можно найти текст всеподданнейшей записки от 23 апреля 1853 г., где обосновывается возможность изменения границы [4, с. 101–102]. Г.И. Невельской 23 апреля того же года получил предписание генерал-губернатора: «Вследствие всеподданнейшего доклада моего и на основании Высочайшего о границе нашей с Китаем указания, предлагаю вам по Высочайшему повелению занять нынешним же летом залив де-Кастри и соседственное с ним селение Кизи... При этом поставляю Вам на вид, что согласно с Высочайшими указаниями, по моему представлению о границе нашей с Китаем, *далее де-Кастри идти Высочайше не разрешено...*»⁷ [19, с. 222].

⁶ Интересно сравнить линию границы 1853 г. с интерпретацией линии границы 1689 г. академиком Миллером в 1757 г. [27, с. 415]: оба варианта имеют сходные основания и, соответственно, результаты.

⁷ Курсив источника. В связи с описанным случаем следует отметить: ещё в 1850 г. работы Г.И. Невельского в юго-западной части Охотского моря сопровождался высочайшим указанием, основав зимовье на берегах зал. Счастья, «ни под каким видом и предлогом не касаться лимана р. Амур» [19, с. 125]. С другой стороны, 16 апреля 1853 г. Н.Н. Муравьев предписал Г.И. Невельскому поставить зимовье в зал. Де-Кастри и «флаг Американской кампании» [18, с. 105]. На примере этих эпизодов можно видеть сочетание упорного продвижения и формальных осторожностей российской стороны.

Известно, что, приняв решение о пересмотре границы, Николай I одновременно распорядился урегулировать этот вопрос с соседним государством, однако проволочки и неудачная формулировка Азиатского департамента МИД в переписке затянули начало согласования на полгода и помешали эффективной реализации приказа [28, с. 273—275]. Другие причины (в том числе политические и процедурные препирательства в среде российской бюрократии, а также желание маньчжуров наконец собрать достаточные сведения о разграничиваемой территории) отложили начало предметного разговора до 1855 г., когда во время второго сплава Н.Н. Муравьев встретился с цинскими послами на Мариинском посту [21, с. 225]. Интересен эпизод его же взаимодействия в мае 1855 г. в районе Кумарского поста (выше устья р. Зеи) с эмиссарами соседнего государства, направлявшимися устанавливать граничные знаки по договору 1689 г. В результате этой встречи маньчжуры были снабжены проездными документами по Амуру [29, с. 280—281]: Н.Н. Муравьев вёл себя как хозяин.

Переход территорий Нижнего Амура под юрисдикцию Российской империи объясняет изменение статуса Амурской экспедиции в 1853 г. с частного (под эгидой РАК) предприятия на государственное, в то время как начальник экспедиции получает права губернатора или областного начальника [22, с. 166]. Таким образом, до передачи этой территории в ведение камчатского губернатора в 1855 г. [19, с. 325] Амурская экспедиция была органом управления новой территорией.

В 1854 г. Н.Н. Муравьев, получив право самостоятельно вести дипломатическую работу [26, с. 169], запрашивает у Пекина возможность пересмотра границы, в 1855 г. представители Цинов ведут переговоры на Мариинском посту, в 1857 г. для урегулирования вопроса о принадлежности территорий из Петербурга на Дальний Восток отправляется адмирал Е.В. Путятин [21, с. 225]. Всё отмеченное указывает: признание изменения границы маньчжурской стороной стало одним из лейтмотивов российской политики в Приамурье, ограничиваться только решением от 25 апреля 1853 г. правительство не собиралось. Вместе с тем, по мере продвижения русских в решении Амурского вопроса, всё более чётко ставилась задача приобрести и весь левый берег Амура: в июне 1855 г. Николай I принял решение о «необходимости» перехода этой территории в состав империи [28, с. 281, 289], а «28 октября 1856 г. Указом императора Александра II был одобрен проект создания Амурской военной линии, простиравшейся от Усть-Стрелочного караула (при слиянии Шилки и Аргуни) до Мариинского поста — этим Россия включала в свои владения Амур во всей его протяжённости» [6, с. 264]. Но ещё в начале 1857 г., пока размежевание с соседями не было совершено, Н.Н. Муравьев, не имея непосредственного права распоряжаться на Верхнем Амуре, переписывался с Азиатским департаментом МИДа о разрешении поселения казаков, утверждая: «с Китайцами переговариваться нечего, а надобно нам делать своё дело» [4, с. 148].

В октябре 1856 г. учреждается Приморская область, но её границы в «Положении об управлении Приморской области Восточной Сибири» [10, с. 23—35] не уточняются. Н.А. Корф пишет, что первоначально (в 1856—1858 гг.) в состав области входило всё Приамурье [14, с. 10], и это согласуется с преемственностью институтов управления приобретённых в 1853 г. территорий: Амурская экспедиция, Камчатская область, Приморская область⁸. Известно о трёх окрúгах области по положению 1856 г.: Петропавловской, Гижигинской и Удской [10, с. 24] — и шести окрúгах по положению 1858 г.: новых Николаевской и Софийской и уже существовавших Охотской (из состава Якутской обл.), Петропавловской, Гижигинской и Удской [10, с. 37]. Названия новых административных единиц красноречиво демонстрируют территориальный рост области в южном направлении. Она создавалась в 1856 г. на неразграниченной земле, последняя фактически не контролировалась цинской администрацией (см., напр. [29, р. 118]) и имела по договору 1689 г. неопределённый статус. По словам П. Кабанова, «заселение началось, когда край не был юридически закреплён за Россией» [12, с. 198]. Участник решения Амурского вопроса А. Сгибнев называет учреждение Приморской области первым официальным заявлением правительства о правах на Нижний Амур [24, с. 320].

Заключение Айгуньского договора (1858), передавшего левобережье Амура Российской империи, не заканчивает историю политики опережающего размежевания. В ст. 1 данного документа указано, что территория по левому берегу Амура переходит в состав Российской империи, а по правому — «...от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств» [23, с. 29]. Напомним, что заключением 25 апреля 1853 г. территории правого берега Амура «от владений Маньчжурии до Татарского берега» объявлялись нейтральными (п. 3.2).

Айгуньский договор вводил в Уссурийском крае режим российско-дайцинского кондоминиума. Термин «кондоминиум» в «Советской исторической энциклопедии» определяется так: «совладение, в международном праве осуществление верховной власти на одной и той же территории двумя или несколькими государствами. Обычно при К. власть фактически осуществляется более сильным из государств-совладельцев...» [25, стлб. 801]. Данная цитата и опыт распространения влияния России в Приамурье позволяют заключить, что для последней кондоминиум над Уссурийским краем был одним из этапов его присоединения, особенно если учитывать стремление Г.И. Невельского (а под его влиянием — и Н.Н. Муравьёва, и других) расширить территорию государства на юг до корейской границы [19, с. 195].

⁸ Вместе с тем не совсем ясно распределение «территорий 1853 г.» по округам. Возможно, центром была Удская округа (г. Удск), также управление могло осуществляться непосредственно из Николаевска, благо новые земли практически не имели оседлого населения.

Вместе с тем известно, что Айгунский договор, ратифицированный маньчжурской стороной в 1858 г. [16, с. 96—97], она же и опротестовала уже в 1859 г. [7, с. 15—20; 16, с. 100], однако в 1860 г., благодаря выгодным политическим условиям и дипломатическому искусству графа Игнатьева, документ был подтверждён в рамках Пекинского договора. По условиям последнего, территория Уссурийского края вышла из состава Цинской империи [23, с. 34—35] и окончательно закрепилась за Россией.

Представленные факты говорят о существенном давлении, оказываемом не столько центральным правительством, сколько местной властью в лице генерал-губернатора на маньчжурскую сторону по вопросу о пересмотре (или уточнении) условий размежевания 1689 г. Однако наряду с желанием (и объективной необходимостью) были ли у российской стороны формальные основания для такого рода политики? Ведь в дипломатических отношениях именно у них больший вес. Особенное значение мирная политика соседей приобретает в эпоху войн, которую Цинская империя переживала в середине XIX в.

Международное право рассматриваемого периода признавало несколько способов приобретения территориальных владений, наиболее подходящим из которых для изучаемого случая является *завладение*, иными словами, как комментирует известный российский юрист XIX в. Ф.Ф. Мартенс, «занятие государством никому не принадлежащей земли, т.е. территории, не состоящей под властью других государств» [15, с. 344]. Объектом завладения могут быть только никому не принадлежащие земли и области, населённые «варварскими племенами» [15, с. 345]. Однако каким образом можно определить, что земли никому не принадлежат? «Пределы завладения определяются фактической возможностью правительства поддерживать свой авторитет на занятом пространстве. Где не проявляется власть государства, там нет завладения, ибо оккупация обязательна, насколько действительно <...> только действительное завладение создаёт для оккупанта известные права и налагает на другие государства соответственные обязанности» [15, с. 346].

Относительно «территорий 1853 г.» имеются неоднократные свидетельства отсутствия маньчжурского контроля над горными местностями современной Амурской области и землями Нижнего Амура. В июле 1850 г. Г.И. Невельской в районе устья Амура имел разговор с маньчжуром, который: а) с точки зрения маньчжурских властей, нелегально присутствовал в том месте; б) указал на непринадлежность гиляцких земель цинской администрации [4, с. 73—74; 19, с. 128]. Похожие сведения о нижнеамурских аборигенах для 40-х гг. приводит А.Ф. Миддендорф [17, с. 167—168]. Известно, что маньчжуры осуществляли контроль только над самым западным участком границы, по рекам Горбице и Аргуни [5, с. 92—93; 17, с. 151, 158]. История об их походе на р. Тугур в 1690 г. [27, с. 390—391] для сбора дани с аборигенов не имела продолжения, и цинская администрация с тех пор никак себя не проявляла в этом регионе [17, с. 166].

Таким образом, поскольку «оставленные владения считаются утраченными государством и подлежат завладению, как вещи никому не принадлежащая» [15, с. 353], Николай I имел основания сказать: «Итак, это наше» [28, с. 273].

Возвращаясь к ситуации с размещением крестьян и передачей им земель на неразграниченных с Цинами территориях, можно отметить, что обозначенные детали международного права давали формальные основания должностным лицам Российской империи предоставлять участки присоединённой в 1853 г. местности собственникам, как это случилось в 1855 г. в самых низовьях Амура.

Ещё одна форма приобретения территорий — *добровольная уступка* [15, с. 349], так Россия получила Верхнее Приамурье, имевшее на некоторой части окраин чётко оговорённую и промаркированную границу между империями с 1689 г.

* * *

Договорному закреплению территорий Приамурья предшествовали его фактическое занятие и начальное административное освоение, которые были следствием не только желания и внутренней возможности Российской империи приобрести эти земли, но и отсутствия признаков суверенитета Цинской империи над большинством из них. Активизацию русских на Амуре на рубеже 40-х и 50-х гг. можно трактовать как реакцию на потенции западного колониализма вообще [5, с. 230—231; 22, с. 127] и как следствие англофобии (в том числе у самого Н.Н. Муравьёва [22, с. 129—133; 26, с. 152—156, 159—160]) в частности.

Ещё до водворения крестьян (в рамках экспедиций А.Ф. Миддендорфа, Г.И. Невельского, Н.Х. Агте и первых амурских сплавов) действия российской стороны выходили далеко за пределы сложившихся традиций приграничного взаимодействия. Односторонняя активность русских на слабоопределённой и фактически не разграниченной территории шла с 1844 по 1858 г., т.е. около 15 лет. Фактическое занятие Приамурья продолжалось с 1849 по 1858 г. и состояло не только в наполнении пространства знаками российского суверенитета, но и в принятии связанных с реорганизацией территории и созданием системы управления нормативных актов (решений правительства и указов императора: от 25 апреля 1853 г. об изменении части границы 1689 г. с российской стороны, от 28 октября 1856 г. о создании Амурской военной линии, от 31 октября 1856 г. об образовании Приморской области и другие документы).

Всё сказанное позволяет сделать вывод о существовании своеобразного этапа в истории российского Приамурья (1853—1858), когда регион уже имел формальный статус в системе управления империей (и даже опыт трансформации институтов управления), но не имел международного признания в качестве части государства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М.: Мысль, 1974. 191 с.
2. Атлас Азиатской России / изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия; рук. Г.В. Глинка; ред. текста И.И. Тхоржевский; общ. ред. карт М.А. Цветков. СПб., 1914. 1 атл. (4 с. текст, 71 номер. карта, 24 с. алф. указ.).
3. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 1. М., 1891. IV, 672, XII с.
4. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 2. М., 1891. 322, VI с.
5. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986. 336 с.
6. Бровко П.Ф., Пономарев С.А. Г.И. Невельской: Амурская экспедиция и решение пограничного вопроса на Востоке России // Вестник ДВО РАН. 2013. № 6. С. 257—267.
7. Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических отношений России с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур: издание книжного склада «Новый край», 1902. III, 240 с.
8. Буркалёва А.А. Особенности формирования первых амурских сплавов // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 2 (11). С. 12—16.
9. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области / ред. П.П. Семёнов. СПб., 1894. V, 639, VIII с.
10. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства / сост. Н.А. Троицкая, А.А. Торопов. Владивосток: Приморская кр. орг-ция Добровольного об-ва любителей книги, 1999. 233 с.
11. Зиновьев В.П. К истории русско-китайских отношений. Забайкальская экспедиция 1849—1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 56—60.
12. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1959. 255 с.
13. Карманной почтовой Атлас всей Российской Империи, разделённой на губернии с показанием главных почтовых дорог. СПб.: Собственное Его Императорского Величества Депо Карт, 1808. 37 л. карт.
14. Корф А.Н. Краткий очерк Приамурского края: по официальным данным. СПб.: Военная типография, 1892. II, 65 с.
15. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1882. 419, XIX с.
16. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1: С конца XVI в. до 1917 г. / отв. ред. Е.М. Жуков. М.: Мысль, 1973. 324 с.
17. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 1, отд. 1: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. География и гидрография. СПб., 1860. [4], VII—IX, [1], 188, XI, [3] с.
18. «...На благо Отечества...». Письма и документы Амурской экспедиции (1849—1856 гг.) / сост. Н.Ю. Ильина, отв. ред. Т.П. Роон. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2013. 216 с.
19. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского: в 2 кн. Кн. 1. Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2013. 366 с.

20. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского: в 2 кн. Кн. 2: Комментарий к книге Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край» / М.С. Высоков, М.И. Ищенко. Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2013. 787 с.
21. Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII — начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2014. 384 с.
22. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 552 с.
23. Русско-китайские отношения. 1689—1916 гг.: официальные документы. М.: Вост. лит., 1958. 139 с.
24. Сгибнев А.С. Амурская экспедиция 1854 года. (Разсказ очевидца). Гл. IX—X. (Окончание) // Древняя и новая Россия. Ежемесячный иллюстрированный исторический сборник. 1878. № 12. С. 309—322.
25. Советская историческая энциклопедия Т. 7: Каракеев — Кошакер / гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1965. 1022 стлб.
26. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848—1854 г. СПб., 1889. II, 180 с.
27. Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. 688 с.
28. Шумахер П. К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 год // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 257—342.
29. Narangoa L., Cribb R. Historical Atlas of Northeast Asia, 1590—2010: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia. New York: Columbia University Press, 2014. XV, 336 p.
30. Russia in Asia and Tartary // A New Universal Atlas Containing Maps of the various Empires, Kingdoms, States and Republics Of The World. With a special map of each of the United States, Plans of Cities &c. Comprehended in seventy five sheets and forming a series of One Hundred And Twenty Nine Maps, Plans And Sections. Philadelphia: Thomas, Cowperthwait & Co, 1855. URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/10451657> (дата обращения: 12.02.2019).

REFERENCES

1. Alekseev A.I. *Amurskaya ekspeditsiya 1849—1855 gg.* [Amur Expedition, 1849—1855]. Moscow, Mysl' Publ., 1974, 191 p. (In Russ.)
2. *Atlas Aziatskoy Rossii* [Atlas of Asian Russia]. Ed. by Emigrant Department of the Head Office of Land Development and Agriculture, director G.V. Glinka, text editor I.I. Tkhorzhevskiy, general editor of maps M.A. Tsvetkov. Saint Petersburg, 1914, 4 p., 71 maps, 24 p. (In Russ.)
3. Barsukov I. *Graf Nikolay Nikolaevich Murav'ev-Amurskiy po ego pis'mam, offitsial'nyh dokumentam, razskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam (materialy dlya biografii)*. Kn. 1 [Count Nikolay Nikolayevich Muravyov-Amursky in His Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources (Materials for Biography). Book 1]. Moscow, 1891, IV, 672, XII p. (In Russ.)
4. Barsukov I. *Graf Nikolay Nikolaevich Murav'ev-Amurskiy po ego pis'mam, offitsial'nyh dokumentam, razskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam (materialy dlya biografii)*. Kn. 2 [Count Nikolay Nikolayevich Muravyov-Amursky in His Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources (Materials for Biography). Book 2]. Moscow, 1891, 322, VI p. (In Russ.)

5. Besprozvannykh E.L. *Priamur'e v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy. XVII — seredina XIX v.* [The Amur Region in the System of the Russian-Chinese Relations. The Seventeenth Century — the Middle of the Nineteenth Century]. Khabarovsk, Khabarovsk. kn. izd-vo Publ., 1986, 336 p. (In Russ.)
6. Brovko P.F., Ponomarev S.A. G.I. Nevel'skoy: Amurskaya ekspeditsiya i reshenie po-granichnogo voprosa na Vostoke Rossii [G.I. Nevelskoy: The Amur Expedition and Solution of the Border Issue in Eastern Russia]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 6, pp. 257—267. (In Russ.)
7. Buksgevdan A. *Russkij Kitaj. Ocherki diplomaticheskikh otnosheniy Rossii s Kitaem. I. Pekinskij dogovor 1860 g.* [Russian China. Essays on Russia's Diplomatic Relations with China. I. The Treaty of Peking of 1860]. Port-Artur, izdanie knizhnogo sklada "Novy'j kraj" Publ., 1902, III, 240 p. (In Russ.)
8. Burkalyova A.A. Osobennosti formirovaniya pervykh amurskikh splavov [Features of the Formation of the First Amur Alloys]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejxema*, 2012, no. 2 (11), pp. 12—16. (In Russ.)
9. Grum-Grzhimajlo G.E. *Opisanie Amurskoy oblasti* [Description of the Amur Region]. Ed. by P.P. Semyonov. Saint Petersburg, 1894, V, 639, VIII p. (In Russ.)
10. *Dal'niy Vostok Rossii: iz istorii sistemy upravleniya. Dokumenty i materialy. K 115-letiyu obrazovaniya Priamurskogo general-gubernatorstva* [The Far East of Russia: From the History of the Control System. Documents and Materials. The 115th Anniversary of the Formation of the Amur Governor-Generalship]. Compl. by N.A. Troiczskaya, A.A. Toropov. Vladivostok, Primorskaya kr. org-tsiya Dobrovol'nogo ob-va lyubiteley knigi Publ., 1999, 233 p. (In Russ.)
11. Zinov'ev V.P. K istorii russko-kitayskikh otnosheniy. Zabaykal'skaya ekspeditsiya 1849—1852 gg. [The History of the Russian-Chinese Relations. The Transbaikalian Expedition, 1849—1852]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 366, pp. 56—60. (In Russ.)
12. Kabanov P.I. *Amurskiy vopros* [The Amur Question]. Blagoveshchensk, Amurskoe kn. izd-vo Publ., 1959, 255 p. (In Russ.)
13. *Karmannoy pochtovoy Atlas vsey Rossiyskoy Imperii, razdelennoy na gubernii s pokazaniem glavnykh pochtovykh dorog* [Pocket Postal Atlas of the Entire Russian Empire Divided into Provinces with the Indication of the Main Post Routes]. Saint Petersburg, Sobstvennoe Ego Imperatorskago Velichestva Depo Kart Publ., 1808, 37 maps. (In Russ.)
14. Korf A.N. *Kratkij ocherk Priamurskogo kraja: po oficial'nym dannym* [A Brief Essay on the Amur Region. According to Official Data]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya Publ., 1892, II, 65 p. (In Russ.)
15. Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Nations]. Saint Petersburg, 1882, 419, XIX p. (In Russ.)
16. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke. Kn. 1: S konca XVI v. do 1917 g.* [International Relations in the Far East. Book 1: From the End of the Seventeenth Century until 1917]. Ed.-in-chief E.M. Zhukov. Moscow, Mysl' Publ., 1973, 324 p. (In Russ.)
17. Middendorf A.F. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri. Ch. 1, ot d. 1: Sever i vostok Sibiri v estestvennoistoricheskom otnoshenii. Geografiya i gidrogeografiya* [Travel to the North and East of Siberia. Vol. 1, Part 1: The North and East of Siberia in Scientific Terms. Geography and Hydrography]. Saint Petersburg, 1860, [4], VII—IX, [1], 188, XI, [3] p. (In Russ.)
18. *"...Na blago Otechestva..."*. *Pis'ma i dokumenty Amurskoy ekspeditsii (1849—1856 gg.)* ["... For the good of the Fatherland...". Letters and Documents of the Amur Expedition (1849—1856)]. Compl. by N.Yu. Il'ina, ed.-in-chief T.P. Roon. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey Publ., 2013, 216 p. (In Russ.)

19. Nevel'skoj G.I. *Podvigi russkikh morskikh oficerov na krajnem vostoке Rossii. 1849—55 g. Pri-Amurskiy i Pri-Ussuriyskiy kray. Posmertnye zapiski admirala Nevel'skogo: v 2 kn. Kn. 1* [The Feats of Russian Naval Officers in the Extreme East of Russia. 1849—55. The Priamur and Priussuri Regions. The Posthumous Notes of Admiral Nevelskoy. In 2 books. Book 1]. Vladivostok, Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh Publ., 2013, 366 p. (In Russ.)
20. Nevel'skoj G.I. *Podvigi russkikh morskikh oficerov na krajnem vostoке Rossii. 1849—55 g. Pri-Amurskiy i Pri-Ussuriyskiy kray. Posmertnye zapiski admirala Nevel'skogo: v 2 kn. Kn. 2: Kommentariy k knige G.I. Nevel'skogo "Podvigi russkikh morskikh oficerov na krajnem vostoке Rossii. 1849—55 g. Pri-Amurskiy i Pri-Ussuriyskiy kray"* [The Feats of Russian Naval Officers in the Extreme East of Russia. 1849—55. The Priamur and Priussuri Regions. The Posthumous Notes of Admiral Nevelskoy. In 2 books. Book 2: The Commentary to the Book about G.I. Nevelskoy "The Feats of Russian Naval Officers in the Extreme East of Russia. 1849—55. The Priamur and Priussuri Regions"]. Ed. by M.S. Vysokov, M.I. Ishhenko. Vladivostok, Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh Publ., 2013, 787 p. (In Russ.)
21. Postnikov A.V. *Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII — nachale XX veka v svyazi s formirovaniem russko-kitayskoy granicy* [The History of Geographical Study and Mapping of Siberia and the Far East from the Seventeenth Century until the Early Twentieth Century in Connection with the Formation of the Russian-Chinese Border]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 384 p. (In Russ.)
22. Remnev A.V. *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov* [Russian Far East. Imperial Geography of Power from the Nineteenth Century until the Early Twentieth Century]. Omsk, Omsk. gos. un-t Publ., 2004, 552 p. (In Russ.)
23. *Russko-kitayskie otnosheniya. 1689—1916 gg.: oficial'nye dokumenty* [Russian-Chinese Relations. 1689—1916: Official Documents]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1958, 139 p. (In Russ.)
24. Sgibnev A.S. *Amurskaya ekspeditsiya 1854 goda. (Razskaz ochevidtса).* Gl. IX—X. (Okonchanie) [The Amur Expedition of 1854. (An Eyewitness Account). Ch. IX—X (Ending)]. *Drevnyaya i novaya Rossiya. Ezheimesyachny'y illyustrirovanny'y istoricheskiy sbornik*, 1878, no. 12, pp. 309—322. (In Russ.)
25. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. T. 7: Karakeev — Koshaker* [Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 7: Karakeev — Koshaker]. Ed.-in-chief E.M. Zhukov, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965, 1022 stlb. (In Russ.)
26. Struve B.V. *Vospominaniya o Sibiri. 1848—1854 g.* [Memories about Siberia. 1848—1854]. Saint Peterburg, 1889, II, 180 p. (In Russ.)
27. Cherevko K.E. *Rossiya na rubezhax Yaponii, Kitaya i SShA (2-ya polovina XVII — nachalo XXI veka)* [Russia at the Borders of Japan, China and the USA (the Second Half of the Seventeenth Century — the Early Twenty-First Century)]. Moscow, In-t russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, 688 p. (In Russ.)
28. Shumakher P. *K istorii priobreteniya Amura. Snosheniya s Kitaem s 1848 po 1860 god* [To the History of the Amur Acquisition. Relations with China from 1848 until 1860]. *Russkiy arkhiv*, 1878, vol. 3, no. 11, pp. 257—342. (In Russ.)
29. Narangoa L., Cribb R. *Historical Atlas of Northeast Asia, 1590—2010: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia*. New York, Columbia University Press Publ., 2014, XV, 336 p. (In Eng.)
30. *Russia in Asia and Tartary. A New Universal Atlas Containing Maps of the various Empires, Kingdoms, States and Republics Of The World. With a special map of each of the United States, Plans of Cities &c. Comprehended in seventy five sheets and forming a series of One Hundred And Twenty Nine Maps, Plans And Sections*. Philadelphia, Thomas, Cowperthwait & Co Publ., 1855. URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/10451657> (accessed 12.02.2019). (In Eng.)